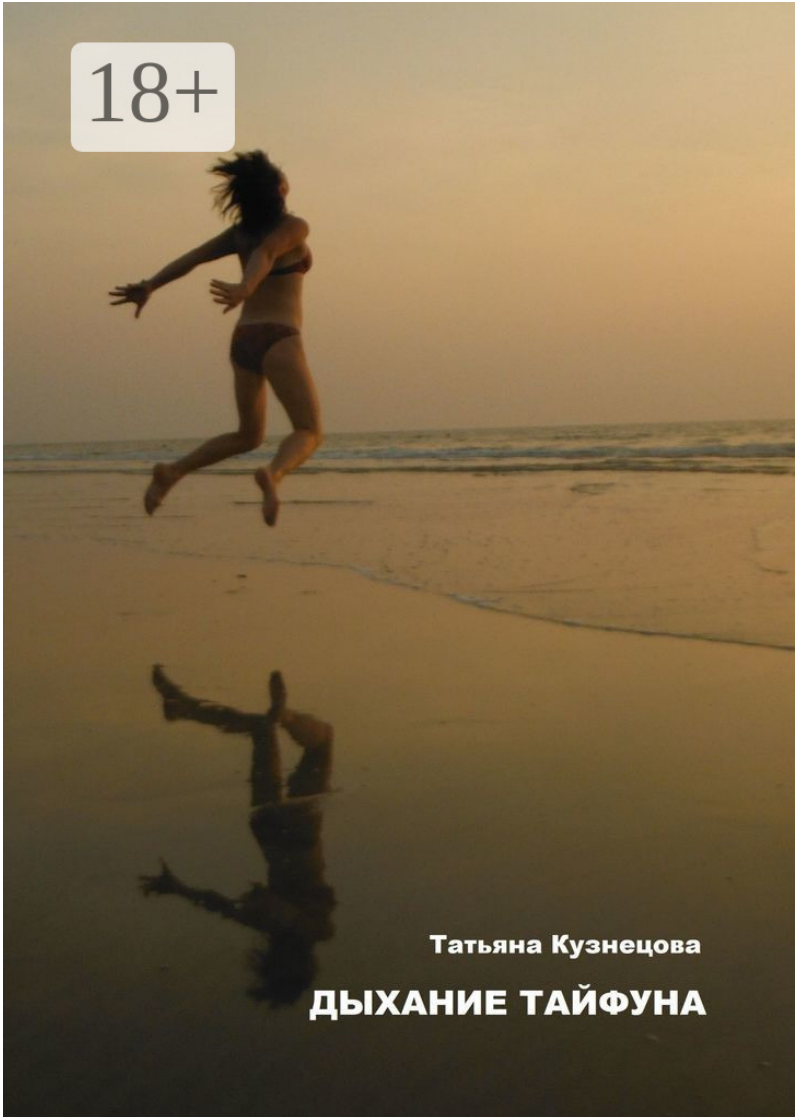
18+
Татьяна Кузнецова
ДЫХАНИЕ ТАЙФУНА

Татьяна Кузнецова
Дыхание тайфуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36078933
ISBN 9785449323880

Аннотация

О чём рассказы в этой книге? О жизни. Спокойно и безмятежно текут наши дни, но вдруг тайфуном врывается нечто неординарное, переворачивает всё вверх дном и уносится прочь, оставляя озоновую свежесть. У всех случались такие тайфуны: незабываемая встреча, опасное путешествие, неожиданная передряга. Они наполняют нас яркими переживаниями, заставляя испытывать то радость, то страх, то надежду. Но именно эти короткие вспышки с благодарностью вспоминаем мы, бросая взгляд в прошлое. Это и есть жизнь.

Содержание

Прости меня, Лида 5
Три Бориса 15
Борис первый 15
Борис второй 20
Борис третий 23
Баликасаг 27
Настоящий мужчина 40
Колье из Шри-Ланка 49
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Дыхание тайфуна

Татьяна Кузнецова

Благодарности:
Дарья Соколова

© Татьяна Кузнецова, 2018

ISBN 978-5-4493-2388-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прости меня, Лида

Моей сестре посвящаю

Скоро первое сентября, и Таня первый раз пойдёт в школу, чтобы начать свой долгий путь в образовании. Тане страшно и вместе с тем очень интересно, как это всё будет? В детский сад она никогда не ходила. Весь её коллектив до сегодняшнего дня – это мама с папой, баба, которая периодически приезжала от своей старшей дочери, и сестрёнка Светка с соседскими девчонками. Будущую первоклассницу готовили к школе. Ей купили портфель, ручку, цветные карандаши, тонкие тетрадки в клеточку, в линейку для первого класса, прописи и многое другое, что Таня с любовью перебирала время от времени, пытаясь представить, как она будет учиться. Новые вещи издавали какой-то свой особенный запах, который так нравился девочке. Она нюхала даже свои только что купленные чёрные ботинки.

– Буду аккуратно носить, – нежно поглаживала их Таня.

– Да тебе ненадолго, тут же носки обдерёшь, – парировала мама.

Вот только учебники были приготовлены старые, Светкины, по которым та училась два года назад. Книги утратили свой первозданный лоск, и, чтобы это не бросалось в глаза, их обернули газетами «Тихоокеанская звезда», которые

ежедневно приносил поселковский почтальон. «Зачем новые покупать? Эти точно такие же», – говорила мама. Коричневое школьное платье купили в магазине, а фартук сшила соседка. Мама заказала ей только чёрный. «Да зачем этот белый? Один раз сходить в нём первого сентября, а потом выбросить», – аргументировала мама. Тане хотелось быть нарядной, как все, но она смутно представляла масштабы праздника и насколько это важно – иметь белый фартук первого сентября. Оказалось, очень важно! Когда во дворе начальной школы, куда мама привела дочку, все выстроились шеренгами, а первоклассники – впереди всех, Таня увидела, что в чёрном фартуке была она одна на всю огромную школу. Мрачным пятном выделялась девочка среди белой пены праздничных нарядов. Тане казалось, что все взгляды прикованы к её чёрному фартуку. Захотелось сжаться в маленький комочек. Взрослые, выступая по очереди с трибуны, что-то говорили, улыбаясь. Первоклассникам вручили цветы. Тане достался тяжёлый букет с огромными шапками георгинов. Потом всех развели по классам, и девочка впервые увидела свою учительницу – сухонькую пожилую женщину с узлом седых волос на затылке. Её звали Таисия Михайловна. Когда всё закончилось, мама с дочкой отправились домой. По дороге к ним присоединилась знакомая. Втроём они шли по деревянному тротуару мимо аптеки, ещё не очень далеко от школы. Мама рассказывала, как прошел первый в жизни Тани школьный день.

– Вот, букет подарили, – говорила она.

– Да зачем он мне? – вдруг рассудительно сказала Таня и, бросив его в грязь, зашагала дальше в новых чёрных ботинках. Девочка ждала одобрения, но его не последовало. Женщины промолчали, и Таня поняла, что сделала что-то не так. Она недоумевала, почему мама не похвалила её.

Главной в семье была мама. Она громко объявляла своё мнение, которое тотчас становилось общим. «Я строгая, но справедливая. Если б я была учительницей, ох, меня б боялись и любили!» – говорила мама. Да уж, мамину строгость Таня со Светой испытали на себе не раз. Старый офицерский ремень с блестящей пряжкой, оставшийся со времён службы отца в армии, висел на гвозде на стене. Не очень часто, но, бывало, он использовался мамой в благородном деле воспитания детей.

– Под забором подыхать будешь, – грубо, но образно говорил отец, не согласный с методами жены.

– Посмотрим, кто будет… Дети вырастут и поймут…

И дальше шёл длинный список грехов, за которые Таня со Светой станут презирать папу, когда вырастут. Перечень этих грехов сёстры слушали не менее двух раз в месяц, как правило, на следующее утро после папиной получки или аванса. Папа молча сидел у стола на кухне. Мама плакала и говорила, говорила… Дети в соседней комнате слушали этот скорбный монолог, не дыша. Наконец, так и не проронив ни слова, папа резко вскакивал и выбегал за дверь,

хлопнув ею изо всей силы. В доме повисала тишина. Сутки, двое, бывало, и до месяца. Но в тот раз всё обошлось без скандалов. Папа уезжал, как поняла Таня, навсегда. И мама вместе со своей сестрой, гостившей в то время у них, и Таня с сестрёнкой пошли его провожать. Когда подошел поезд, папа поцеловал сначала старшую, потом младшую дочь. Пытаясь прочувствовать ответственность момента, Таня старалась быть серьёзной. Вернулись домой уже без папы. Мама нарочито бодрым и уверенным тоном говорила, убеждая в первую очередь себя, о том, как правильно они поступили.

– И Светочка улыбнулась, когда Сашка поцеловал её. Молодец! – хвалила она Свету. – Знай, что не очень-то мы огорчаемся, – говорила мама. – А эта… – и она с досадой махнула рукой в Танину сторону.

И Таня опять поняла, что сделала не так, как ожидала мама. Оказывается, надо было радоваться, что отец уходит от них. Папа стал присылать письма из далёкого города Находка, где работал на большом корабле, фото которого показывал дочерям, когда вернулся. А приехал он через восемь месяцев. Пришел за Таней в школу, забрал её прямо с урока, и они, взявшись за руки, так и заявились домой, где на некоторое время поселилось счастье. Больше всего Таня любила зимние вечера, когда мама готовила на плите ужин, папа сидел у дверцы печки, изредка подбрасывая туда дрова, и вслух читал какую-нибудь книгу. Особенно нравился ей «Дерсу Узала» Арсеньева. Ещё она любила, когда мама бра-

ла в руки балалайку, а папа – гитару, и они вместе начинали играть незамысловатые мелодии. Сестрёнки завороженно слушали, и их сердца наполнялись радостью.

А однажды папа спас жизнь обеим своим дочерям. Это Таня поняла сразу, даже не успев повзрослеть. Семья жила рядом с железной дорогой, и путешествия по шпалам были привычным делом. В тот раз все четверо возвращались домой, двигаясь по левому пути, чтобы вовремя увидеть идущий навстречу поезд. Сестрёнки, увлечённые разговором, шагали, крепко обнявшись, их родители, заметно поотстав, сзади. Девочки увидели вдали движущийся навстречу состав и, не сговариваясь, перешли на соседний путь. Грохот приближающегося поезда не позволил им расслышать шум неизвестно откуда появившегося локомотива за их спинами. Машинисты обоих поездов сигналили во всю мощь, представляя масштаб разыгрывающейся на их глазах трагедии. Сестрёнки продолжали путь, ничего не подозревая. Вдруг Света обернулась и, вскрикнув: «Ой!», дёрнула Таню за руку так, что они почти кубарем скатились по щебёночной насыпи. Поезд, громыхая, пролетел мимо. Вместе со Светой тогда обернулась и Таня, всего на один миг, но память навсегда запечатлела картинку: папа стоял на железнодорожном пути перед надвигающимся на него составом, готовый принять на себя страшный удар, и кричал диким, звериным криком так, что этот крик не мог быть не расслышанным сквозь рёв двух локомотивов. «Ой, что сейчас будет!» – сказала Светка,

не ожидая ничего хорошего от встречи с родителями. Такая была доля старшей сестры – первой принимать на себя ответственность.

Наверно, Таня никогда бы не догадалась, что папа плохой, если бы мама часто не называла его кровопийцей и душемотателем.

– Я, бывало, не сплю до полночи, и Светочка рядом со мной. Выглядываем в окошко, где там наш папка? – говорила она соседке. – А Таня… Беззаботный монастырь. Спать захотела – и пошла. Ничего её не интересует.

И опять Таня чувствовала себя виноватой.

Если самым авторитетным человеком для Тани была мама, то самым близким – Светка. Только ей могла доверить девочка свои сокровенные, самые тайные мысли. Только с ней могла обсудить любую свою детскую проблему, кажущуюся неразрешимой. Правда, не всегда Света утруждала себя обстоятельными ответами на задаваемые вопросы.

– Ду-ура! Не знаешь и не спрашивай, – лаконично заявляла она порой.

– Это что ещё за «дура»? Чтоб я больше не слышала! – пыталась пресечь мама непотребное выражение, случайно услышав фразу.

Но отношения между сестрёнками развивались по собственному сценарию. Зачастую Светка беззастенчиво пользовалась своим правом старшей. Когда надо было сделать что-нибудь противозаконное с точки зрения девочек, она от-

правляла Таню к маме.

– Спроси, а можно нам…?

Таня послушно шла выполнять задание.

– Ну, что мама сказала? – спрашивала Светка вернувшуюся сестру.

– Не разрешила. Сказала…

– А ты что?

Сестрёнка дословно пересказывала свой ответ.

– Ду-ура! Надо было сказать…

Таня тоже не оставалась в долгу. Иногда доходило даже до рукопашной. Но всё это было не всерьёз. Ничто не могло разрушить любовь и преданность сестёр друг другу. Опять шагали они в обнимку: Светкина рука – на Танином плече, Танина – на Светиной талии.

Учиться Тане нравилось. Домашние задания она делала старательно, и в школе её хвалили. Иногда девочка оказывалась единственной в классе, кто сумел решить трудную задачу. И она заслуженно стала одной из лучших учениц класса. Часто этим пользовались не столь способные или просто нерадивые одноклассники. «Дай списать» было расхожим выражением среди них. И она давала. Но с Лидой у Тани были дружеские отношения. Они бывали друг у друга в гостях. Лида училась почти так же хорошо, как Таня, и порой девочки обсуждали что-нибудь по урокам, заданным на дом, благо жили недалеко друг от друга. В тот день Лида подходила к дому подруги. На скамейке у калитки сидела Танина ма-

ма с соседками. «Опять задачки идёшь списывать? Ишь ты какая! Чего ты ходишь сюда?» – мама говорила громко и зло. Таня всё слышала. Лида, съёжившись, как сквозь строй, прошла мимо женщин. «Уходи отсюда», – сказала Таня, подхватив мамин тон, хотя ей очень трудно было произнести это, пришлось собрать всё своё мужество. Лида, не проронив ни слова, с удивлением и растерянностью повернулась и пошла обратно. Опять как сквозь строй. «Выгнала? И правильно сделала», – одобрила потом мама. Но почему-то мамина поддержка не обрадовала Таню. Этот поступок маленьким, но тяжелым камешком лёг в её детскую душу. Грехом. С тех пор Таня и Лида не общались. В школе они как будто не видели друг друга, продолжая учиться вместе ещё много лет. И когда Лида не появилась в десятом классе, приняв решение поступить в медучилище, Таня внутренне с облегчением вздохнула.

Много воды утекло с тех пор. Давно уже нет папы. Пожилая мама, отполировав прошлое своими воспоминаниями, отражается в его глянцевой поверхности исключительно в благопристойном виде. У Тани нет претензий к своему детству, вот только бы найти ту девочку… И сказать ей: «Прости меня, Лида…»

Ничто не могло разрушить их любовь и преданность друг другу.

Три Бориса

Не часто встретишь мужчину с именем Борис, но в жизни Анны их было три. Два – в счастливую пору юности и третий – совсем недавно.

Борис первый

Всё в этой истории, от встречи до расставания, было нетипичным для повести с сюжетом о неразделённой любви. Началось с того, что однажды, войдя в комнату, Аня с ужасом увидела на своей кровати поверх зелёного общежитского одеяла спящего мужчину в одежде и чёрных ботинках.

– У нас в комнате какой-то мужчина!

И вот уже вдвоём с вахтёршей они трясут его, наперебой задавая вопросы.

– Вы что здесь делаете?

– Как вы сюда попали?

Светловолосый парень, кажется, немного пьян, сидя на кровати, улыбаясь, что-то путано рассказывает им, дескать, пришел в другую комнату, там никого не оказалось… Он не спешит, выказывая полную доброжелательность, и задерживается в комнате дольше, чем мог бы рассчитывать в своём положении. Подтянулись девчонки: Шура – крупная

девушка с изумительной кожей, и две Людмилы, так крепко дружившие между собой, что воспринимались как одно целое. Так началось знакомство. Произошедшее в тот день превратилось для девчонок в весёлое приключение, которое, впрочем, имело продолжение. Борис стал заглядывать к ним в гости. Сначала общались все вместе: четыре девушки, жившие в комнате, и Борька, как они стали называть его за глаза. Парень подолгу засиживался в комнате, развлекал девчонок своими рассказами, заставляя их хохотать от души, но понемногу стал переключать своё внимание на Аню. Почувствовав это, Анна «заняла оборону». Она считала безнравственным давать мужчине надежду, не испытывая к нему каких-либо чувств. С детства помнились наставления мамы: «Если тебе парень не нравится, скажи ему об этом прямо и не морочь голову». «Нет, нет», – постоянно говорила Аня на все предложения Бориса, стараясь быть честной. Может быть, именно это противостояние разжигало в нём мужское желание добиться её расположения. А возможно, двадцатитрёхлетнего мужчину привлекали чистота и свежесть восприятия жизни, ещё не отягощённые жизненным опытом. На тот момент у Анны, конечно, был свой идеал молодого человека. Он представлялся ей высоким широкоплечим блондином с зелёными глазами, весёлым, с искромётным чувством юмора. Душа любой компании. Возможно, он играет на гитаре. Он должен быть старше Анны почему-то на два года, а имя такое, что даже в уменьшительном вариан-

те не может перечеркнуть его мужские качества. Уж конечно не Вася, Петя или Боря. Может быть, Андрей. Или Олег. Но, несмотря на свой довольно высокий рост и светлые волосы, Борис явно недотягивал до идеала. Он немного сутулился, говорил негромко, как бы процеживая слова сквозь зубы. А бледное лицо с птичьим носом, сливаясь с именем, полностью лишало его той яркой индивидуальности, которая могла бы привлечь внимание семнадцатилетней девушки. И даже то, что Борис был довольно начитанным, совсем не помогало ему. Когда он заговаривал о произведениях незнакомых Ане авторов, это скорее отпугивало её, указывая на разделяющую их дистанцию. Но однажды, Восьмого марта, она приняла от него подарок. Это был крохотный букетик весенних цветов, длинная толстенькая открытка, ещё какая-то мелочь. Аня была тронута. Это был первый подарок, который ей преподнёс мужчина в женский праздник, не считая пьесы Толстого «Живой труп», полученной от соседа по парте в двенадцать лет. Да как-то раз, опять изменив своим принципам, Аня сходила с Борисом на фильм в только что открывшийся кино-концертный зал, куда достать билеты было просто невозможно. Наверное, она сделала это напрасно.

И вот состоялось объяснение. Они стояли у окна в торце пустого коридора. Он говорил о своей любви как-то косвенно и странно: «Мне отдалась одна девчонка… татарочка… Ждёт, что мы поженимся… Я сказал ей, что люблю девчонку…» Слово «отдалась» резануло Анне слух. Живое вооб-

ражение девушки тут же нарисовало картину, как татарочка отдаётся Борьке, и привычное равнодушие к парню сменилось неприязнью. Но сам факт признания в любви всё-таки тешил её самолюбие. К своим обычным «нет», «нет» ей нечего было добавить.

– Подари мне свою фотографию, – попросила она.

– Как бабочку… на булавочку… для коллекции… – цедил Борис.

Раздавленный, ушёл. В комнате на Аню посмотрели сочувственно. На дворе стоял промозглый октябрьский вечер. Вдруг со звоном посыпались оконные стёкла, брызнули острыми осколками на пол и на кровати. С визгом, толкаясь в дверях, девчонки высыпали в коридор. Переполошив весь первый этаж общежития, в конце концов вернулись в комнату и, рассевшись по кроватям, стали совещаться, что делать. «Что женсовет постановил?» – раздалось в зияющую дыру в окне. И опять все бросились к двери, как стая вспугнутых воробьёв. Но это были уже их спасители. Группа рабочих парней с Синих Камней проходила мимо корпуса как раз в тот момент, когда Борис чинил свою расправу. Прижав его к стене, потребовали объяснений. Борис, размазывая слёзы, говорил им, что любит девчонку… А она… «Ну и где она?» – спросили парни уже в комнате. Анна потупила глаза.

Ночь была тревожной. Как могли, девушки заткнули окно подушками, чтоб не дуло, и спали чутко, готовые в любую минуту вскочить и выбежать вон. Они подружились с этими

замечательными ребятами. Парни вставили стёкла. А невысокий голубоглазый Володя каждый вечер провожал Аню до двери общежития после вечерних занятий в институте. Одна она ходить боялась, за каждым кустом ей мерещился Борька. Девчонки говорили, что иногда видели его прогуливающимся возле корпуса.

Ну и где она?

Борис второй

Эта история случилась ровно через год после первой. Анна по-прежнему жила в том же общежитии, работая гардеробщицей главного учебного корпуса Уральского политехнического института, где и училась, но теперь уже на втором курсе вечернего отделения. Каждую смену четверо девчонок порхали весёлой стайкой от барьера к вешалкам, принимая и выдавая пальто студентам-очникам. У гардеробщиц были свои любимчики, которым часто давались клички. Например, «полосочка» – за то, что на свитере у парня поперёк груди шла широкая цветная полоса. Иногда, чтобы узнать, как зовут интересующую личность, девчонки даже позволяли себе залезть в карман висящего на вешалке пальто в надежде найти студенческий билет с именем и фамилией. Это было замечательное время, наполненное какой-то необузданной радостью. Анна не замечала ни бытовых неудобств, ни хронической нехватки денег. Она постоянно находилась в предчувствии огромного счастья, которое вот-вот должно было обрушиться на неё. Так и случилось.

Аня сразу обратила на него внимание. Высокий, с широкими костлявыми плечами, выпирающими из-под серой рубашки (он почему-то ходил в рубашке, без пиджака или свитера, как другие студенты). У него была удивительная улыбка, застенчивая, даже немного виноватая. Эта улыбка застав-

ляла её сердце сладко сжиматься и падать вниз. Его звали Борис Кетикопулос. Откуда взялась на Урале эта красивая греческая фамилия? Она действовала на девушку так же магически, как и его улыбка. Новое, неизведанное доселе чувство охватило Аню с такой силой, что ей порой становилось страшно. Завидев Бориса где-нибудь в лабиринтах института, ей хотелось бежать подальше с его глаз. Ане казалось, что все вокруг слышат стук её сердца. Что было с ней, когда однажды на институтском празднике Борис, взяв её за руку, вовлёк в пляшущую толпу! Он как будто отодвигал танцующих своими плечами, создавая ей пространство для движений, и улыбался своей обезоруживающей улыбкой. Куда подевалась её обычная раскованность? Кажется, она забыла, как можно танцевать, импровизируя и подчиняясь лишь ритму музыки. Аня не чувствовала своего тела: руки и ноги были деревянными. С пересохшим горлом, в полуобморочном состоянии, она желала лишь одного, чтобы поскорее закончился этот танец. Анна засыпала и просыпалась с мыслями о нём. Девчонки знали об её чувствах.

– Анька, а если бы он предложил тебе выйти за него замуж, ты бы пошла? – спросила однажды подруга.

– Да, – выдохнула Аня.

Как-то, просматривая институтскую газету, девчонки наткнулись на список студентов, отчисленных за академическую неуспеваемость. В этом списке был Борис со своей необыкновенной фамилией. Он ушел служить в армию.

И оттуда прислал письмо. Потом ещё и ещё. Это были простые письма ни о чём, с какими-то вырезками, картинками. «Чем ты дышишь? Что тебя волнует?» – задавал вопросы Борис. Он пытался узнать её, искал темы для общения. Анна отвечала резко, иногда даже нумеруя свои ответы: 1) дышу я кислородом; 2) волнуют меня события во Вьетнаме и уральские морозы… Зачем она это делала? Кто водил её рукой? Будто не она каждый раз прижимала к груди полученное от него письмо, а потом, как безумная, бегала по этажам и искала укромный угол, где можно было бы остаться один на один со своим сокровищем. Дрожащими руками вскрывала конверт и не могла разглядеть строк из-за слёз, застилавших глаза. Он был не глупый, он всё понял и однажды написал: «Никто не испытывал ко мне таких горячих чувств». Ещё он писал, что не собирается забывать то, чему его учили в институте, и обязательно вернётся.

Борис пришёл из армии через два года. Аню уже закрутила, завертела студенческая жизнь дневного отделения, куда она перевелась после двух лет учёбы на вечернем. Она уже пела под гитару Лёши Истомина, который впоследствии стал её мужем. И Борис почти превратился в воспоминание.

Борис третий

Оставив позади весёлую и счастливую юность и годы становления, Анна наконец вступила в полосу устоявшейся жизни с размеренным течением. Её работа в цехе самого престижного в городе предприятия состояла в том, что она кропотливо готовила свой проект и затем выполняла его согласования. Проект за проектом – по кругу. Время согласований Ане нравилось больше всего. Она любила появляться в кабинетах больших начальников, занятых и строгих, обезоруживать их улыбкой, отвлекающей фразой и видеть, как те превращаются в обыкновенных людей, не лишенных человеческих слабостей. Помнится, как однажды Анна вошла в кабинет начальника пожарной части. На её «здравствуйте» он буркнул что-то, не подняв головы. Застыв на пороге, она проговорила:

– Двадцать восьмой (это номер её цеха) пришел поздравить вас с праздником.

– С каким? – он вскинул голову.

– С Днём влюблённых (это было как раз 14 февраля).

– А-а! – он почему-то густо покраснел.

Вскочил, засуетился. Затоптался, не зная, за что схватиться. И ей стало жалко его. В летнее время было ещё проще, хотя ничего откровенного в одежде Анна себе не позволяла. Просто они были мужчинами, а она – женщиной, чем

иногда и пользовалась беззастенчиво. Трезво оценивая свою внешность, Аня понимала, что азиатские скулы и невыразительные губы не могут поставить её в ряд первых красавиц, но также знала и свои неоспоримые достоинства. Сколько раз она ловила на себе восторженные мужские взгляды, прикованные лёгкой поступью, прямой спиной и высокой грудью! Справедливости ради нужно сказать, что иногда ей всё же приходилось горячо доказывать свою профессиональную состоятельность.

Они познакомились во время согласования. Борис со странным отчеством Эльбрусович был высокого роста, с животиком в начальной стадии образования, со здоровым (а может, нездоровым) румянцем и аккуратно подстриженной детской чёлочкой. Но и животик, и эту глупую чёлочку она готова была простить за его голос – мягкий, бархатный, обволакивающий. Когда он говорил, Анна каждый раз вспоминала Льва Лещенко. И сам Борис вдруг становился похожим на этого обаятельного, интеллигентного певца. Бывало, до того, как поставить свою подпись заместителя начальника цеха по техническим вопросам, ему требовалось уточнить некоторые детали на месте, и они вдвоём отправлялись на какой-нибудь удалённый объект на территории бескрайнего и пустынного предприятия. Он подавал ей руку в труднопроходимых местах, а иногда отправлялся один, например, на крышу огромного здания почти по вертикальной лестнице и, спустившись, пересказывал, как там и что. Если

такие путешествия совершались летом и объект был особенно удалён, они, обласканные солнцем, почти забывали, что находятся на работе. Он говорил о том, что ему сорок пять лет (Аня была на пару лет старше, но почему-то ей хотелось скрыть это), что жизнь такая короткая и нужно спешить. Потом спрашивал, замужем ли Анна и хороший ли у неё муж. Она отвечала со вздохом. Он понимал это по-своему: значит, не всё благополучно.

– Почему вздыхаешь?

– Вопросы не нравятся.

Окно его кабинета было как раз напротив проходной, через которую утром густо валил народ. Часто Борис стоял у окна и приветствовал Анну взмахом руки. Она махала в ответ, и приподнятое настроение было обеспечено ей на полдня. Иногда он подвозил её на своей шикарной импортной машине, по ходу меняя ранее намеченный маршрут. Поглядывал сбоку и опять задавал свои неуклюжие вопросы, но Анна искусно делала вид, что ничего не понимает. Она флиртовала. Она играла с ним, как кошка с мышкой, то прижимая когтистой лапой, то отпуская ненадолго, даря надежду. Не видя всей глубины её коварства, бедолага вынужден был конкретизировать свои намёки, которые становились ещё более тяжеловесными. Чего она хотела? Банальной измены? Ни в коем случае! Аня любила своего мужа и находилась в том состоянии спокойного светлого счастья, которое с годами становилось ей всё дороже. Она дёргала

за ниточки, чтобы ещё и ещё раз услышать звон привязанных к ним колокольчиков, сообщавших ей о том, что она привлекательна и желанна. История закончилась, так и не начавшись. Цех, в котором она работала, был расформирован, их встречи прекратились.

Борис тихонько улёгся на аккуратную полочку Аниной памяти, рядом с теми двумя Борисами, которых она иногда уже снимала с насиженных мест, чтобы встретиться с ними вновь.

Баликасаг

Их путешествия по миру начались задолго до того, как впервые был куплен автобусный тур с остановкой в Испании. Они начались с разговора на островке среди небольшого пруда, куда муж с женой летним днём приплыли на байдарке.

– Клинчук во Францию ездил. Рассказывал. Так интересно! – сказала Лена. И с грустью добавила, намекая на их нестабильное материальное положение: – А нам никогда не побывать за границей.

– Почему не побывать? Было бы желание.

Желание у Лены было огромным.

После Испании пара посетила ещё несколько европейских стран, Египет, а потом открыла для себя Азию, яркую, экзотическую, невероятно красивую. Накапливаемый опыт делал их всё более уверенными. Они уже могли обходиться без помощи турагентств. Андрей выискивал на сайтах дешёвые билеты, Лена с упорством учила английский, и вместе они составляли тот замечательный тандем, где один дополнял другого. «Ну, куда в этом году?» – спросил Андрей. Они открыли тяжёлый атлас в зелёной обложке и в который раз стали вчитываться в названия государств.

– Может, на Филиппины?

Решение принято, и муж с женой стали готовиться к по-

ездке. Андрей подолгу висел в форуме Винского, Лена листала путеводитель. Они многое узнали об этой стране.

– Представляешь, – говорила Лена сыну по телефону, – там был Магеллан. Он был там убит. Есть памятник…

– Ну, если Магеллан… тогда съездите обязательно, – отвечал сын с усмешкой, обременённый работой, семьёй и ещё бог знает какими заботами жителя второй столицы страны.

Лена, как на карте, видела остров, на который они приземлялись.

Вот уже составлен список мест, которые ну просто обязательно нужно посетить. Среди них – Баликасагский риф. Баликасаг! Что-то торжественное слышалось Лене в этом слове. Скорее, она могла бы представить гору с таким названием, высокую и неприступную, вонзающую свою гордую вершину в бездонное небо. С замирающим сердцем ждала она поездки. Засыпая, представляла прозрачную глубину филиппинских вод. «Видимость в воде достигает пятидесяти метров», – вспоминала она прочитанное. То вдруг почти физически ощущала холод Филиппинского жёлоба, обнимающего горстку крохотных островков. «Глубина около одиннадцати тысяч метров», – предупреждал кто-то.

Там есть памятник…

Прижав лоб к иллюминатору, Лена, как на карте, видела остров, на который они приземлялись. Он был слишком мал, и она по-детски испугалась, что самолёт пролетит мимо, но на земле границы суши раздвинулись, и возникшее было на высоте чувство заброшенности отступило. Пышная растительность, а в ней змейкой неширокая дорога – таким предстал остров. Дома местных жителей и гостиницы жмутся к пляжу. Выбранный для проживания отель находится совсем недалеко от воды, за полосой джунглей, но растения

в ней так плотно переплетают свои ветви, что пробраться сквозь них почти невозможно, да, скорее всего, и опасно. Проще обойти. Именно так и стали делать муж с женой ежедневно, пытаясь утром попасть на пляж, а вечером возвращаясь в отель. Как правило, они недолго шагали по дороге. Их тут же подхватывал какой-нибудь отчаянный мотоциклист или более респектабельный владелец тук-тука. Можно было найти жильё и поближе к пляжу, но очень уж хорош был отель, обустроенный с домашним уютом. Бассейн с голубой водой, а вокруг него чистенькие бунгало, между которыми живописно разбросаны цветущие орхидеи высотой в человеческий рост, агава… Покой, умиротворённость.

Активно атакуют торговцы.

Островной пляж практически ничем не отличается от материковых. Растрёпанные верхушки пальм в прибрежной полосе, белый песок, в котором тонут босые ноги, и голубое море, готовое любить и холить ваше тело. Не давая отдыхающим расслабиться, активно атакуют торговцы, пытаясь соблазнить жемчугом, дешёвыми украшениями из кокоса и «Виагрой» в потёртых коробочках. Нисколько не смущаясь отказом, они вновь и вновь подходят, раскладывая свой нехитрый товар.

– Бум, бум, – говорит беззубый продавец «Виагры», для убедительности постукивая кулаками друг о друга и заговорщицки подмигивая Лениному мужу.

– No, no, – отвечает Андрей и напрягает бицепсы, показывая, что он ещё – ого!

Есть на пляже другая категория продавцов. Те ведут себя более сдержанно. С надеждой заглядывая в глаза, они разворачивают выцветшие фотографии под полиэтиленовой плёнкой с изображением красивейших мест, куда доставят тебя – только пожелай. Среди этих мест – Баликасаг. Муж с женой выбирают худенького владельца катера, с просмолённой кожей и огромными весёлыми глазами.

– Завтра в шесть на пляже, – говорит он.

– Почему так рано?

– Чтобы увидеть дельфинов.

Ах, как спится на Филиппинах! Бархатный купол неба с мерцающими звёздами. Ночь наполнена волнующими запахами. Тишина. Невероятная тишина! Лишь под утро её разрывает приглушенное пение петухов, точно такое, как в детстве у бабушки в деревне. И ещё не проснувшись, Лена начинает улыбаться. Сейчас встанет, а на завтрак горячие пирожки с картошкой и молоко в кринке. И никаких обязательств! И абсолютная свобода.

На пляже ботмэн встречает пару, сверкая белозубой улыбкой. Втроём они несутся вскачь по волнам на небольшом белоснежном катере с тяжёлым мотором «Ямаха» на корме.

С лёгкостью догнав группу таких же плавсредств и корабликов побольше с толпящимися на борту туристами, присоединяются к ним, кружащим на одном месте.

– Что?

– Дельфины, – показывает рукой ботмен.

Кораблики плывут в другую сторону и опять кружат на месте.

Прикладывая ладони козырьком к глазам, муж с женой напряжённо всматриваются в ярко-синюю гладь. Ах, да, вот,

кажется, взметнулись спинки. Как по команде кораблики плывут в другую сторону и опять кружат на месте. Картина повторяется. «Надо было раньше выходить», – говорит ботмен. Ослепительная синь. Белый бурун за катером. Утреннее, ещё не жгучее солнце. Вот и Баликасаг. Остров как остров, внешне похожий на Панглао, откуда они прибыли, только меньших размеров. Усадив наших путешественников в смешную лодочку, похожую на корытце, загребая игрушечными вёслами и по-прежнему широко улыбаясь, филиппинец доставляет пару к рифу, который находится метрах в ста от берега. До него можно было бы и доплыть, если по-лягушачьи распластаться в воде и перемещаться по поверхности, изредка задевая животом или коленями скользкое дно. Лена с Андреем в воде. Лодочка кружит неподалёку, деликатно соблюдая дистанцию. Едва глянув вниз, они попадают в другое измерение. Горизонтальное подводное плато вдруг обрывается вертикальной стеной, примыкающей к черно-синей бездне. Вся стена облеплена кораллами фантастических форм с роящимися вокруг них невиданными живыми существами. Кажется, сказочные рыбки со всего океана собрались здесь специально, чтобы ошеломить своим видом любующихся ими людей. Многообразие форм, рисунков и невероятно яркие краски! «О-о! О-о…» – шепчет Лена в трубку, цепляясь взглядом за гуттаперчевую диковинку, плывёт над ней, пытаясь уловить какую-то закономерность в её беспорядочных движениях, затем переключает своё внимание

на другую, ещё более фантастическую…

– Лена, что ты мечешься? Я за тобой не успеваю! – кричит Андрей, приподняв маску.

– Не надо за мной плавать.

– Как не надо? Ты же утонешь!

Когда Лена зависала над бездной, ей казалось, что океан медленно и властно начинает втягивать её в свои объятья. Некстати вспоминались сообщения СМИ, слышанные ещё дома, о нападении акул на людей на пляжах Египта, потом – Владивостока. То вдруг вспоминалось предостережение сестры перед вылетом: «Сейчас в связи с потеплением климата рыба меняет свои маршруты. Акулы заходят туда, где раньше их никогда не было». Когда ужас от присутствия бездны становится нестерпимым, Лена забирается в лодочку. Близость берега и спокойная синяя гладь понемногу успокаивают разыгравшееся воображение. Коренастые японцы в ярко-оранжевых жилетах стоят по пояс в воде, разбрасывая вокруг себя какие-то крошки, и затем фотографируют стайки рыб своими чудесными камерами, опуская их в воду. Устремив взгляды вниз, туристы хаотично перемещаются вдоль рифа, изредка задевая друг друга локтями или пятками. Отдышавшись, Лена снова сползает в воду.

Обедали за покосившимся столом под вывеской «Ресторан», обслуживаемые смуглой филиппиночкой лет шестнадцати, напевающей и пританцовывающей под американскую песенку, льющуюся откуда-то из-под пальм. Её внешность

можно было бы назвать идеальной, если бы не зубы, которые кто-то, проходя мимо, бросил горстью, и они, зацепившись как попало, так и остались торчать у неё во рту вкривь и вкось,

– Можно с вами сфотографироваться?

– Yes! – распахнула она улыбку.

Это была типичная представительница своего народа, живущего в полном согласии с природой, жизнелюбивого, непритязательного и, наверное, поэтому – очень музыкального. Музыка звучит везде. Филиппинцы часто подпевают, иногда довольно громко, ничуть не стесняясь присутствия посторонних, в том числе и иностранцев. Покачавшись в плетёных гамаках на ветру под пальмами, пара отпрашивается у ботмена осмотреть окрестности. «О'кей», – соглашается он, растекаясь от жары на пластмассовом стуле. За мысом пустынный песчаный пляж с монотонным плеском прибоя. Царство первозданной природы, и только они вдвоём, как Адам и Ева! Намотав на руки купальники, муж с женой долго плавают, а устав, просто расслабленно висят в воде, заигрывающей с их телами. Границы тел исчезают, размываются, и двое уже физически начинают ощущать свою причастность к бесконечному мирозданию.

Вернувшись, пара обнаруживает у берега свой одинокий катер. Пора в обратный путь. Снова весело работает мотор, и они летят по волнам. Внезапно солнце исчезло, вода из ультрамариновой превратилась в чёрную. Зловещие волны с ме-

таллическим отливом бьют уже почти в середину днища катера. Он то взлетает над волной, то вдруг проваливается, и тогда горизонт исчезает, вокруг только бесконечная вода. А когда волна вновь подхватывает посудину, Лене кажется, что та сейчас переломится или, ухнув носом в водяную яму, перевернётся. Мотор кашляет и иногда вовсе замолкает на несколько секунд. Они одни в пустынном океане. Лена вглядывается в серую даль в надежде увидеть спасительный берег, утром путь не казался таким длинным. Она с ужасом представляет безграничную толщу воды, те самые одиннадцать тысяч метров, готовых принять очередных жертв. Одно неверное движение катера, и ты навсегда исчезнешь в этой страшной чёрной хляби. Леденящее чувство опасности скапливается сладким тошнотворным комком под ложечкой. Никогда ещё она не чувствовала себя такой беззащитной. Лена про себя читает молитвы. Она знает четыре. Закончив четвёртую, снова возвращается к первой. И так – по кругу. «Отче наш» знаком с детства. Ещё девочкой она слышала её от мамы, чаще – от бабуси, той, что пекла пирожки с картошкой. Три других выучила недавно. Молитва о кресте была понятна и запомнилась легко: «…яко исчезает дым, да исчезнут…» Одну, особенно трудную, «Живый в помощи Вышняго…», Лена учила долго, повторяя в уме в самых неподходящих местах: в автобусе, по дороге на работу, подглядывая в молитвенник. Четвёртая молитва была яркой и короткой: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый

Безсмертный, помилуй нас».

Они благополучно добрались до берега.

– Ну как тебе Баликасаг? – спросила Лена мужа на другой день.

– Я толком ничего не видел. За тобой гонялся. Поплывём ещё?

– Не-ет.

Прошло два года.

– Андрюш, я рассказ написала. Называется «Баликасаг». Будешь читать?

– Что такое «Баликасаг»?

– Ты не знаешь, что такое «Баликасаг»?

– Что-то знакомое.

– Баликасагский риф.

– А-а! Помню.

Настоящий мужчина

Пузатые чемоданы, подрагивая, медленно ползли мимо вглядывающихся в них пассажиров, прибывших рейсом Куала-Лумпур – Манила. В толпе у самой ленты Андрей ждал два своих чемодана, помеченных розовыми ленточками. Его жена чуть поодаль. Она не сразу обратила внимание на стоящего рядом высокого поджарого мужчину лет пятидесяти с невыразительным лицом. «Серенький», – говорила она обычно про людей такого типа. «Where are you from? (Откуда вы?)», – спросил кто-то первым из них, когда их взгляды встретились. Это была традиционная фраза, с которой начинали разговор люди за границей. Белые в азиатских странах, находясь в абсолютном меньшинстве среди смуглых, черноголовых людей, интуитивно тянулись друг к другу. У Лены была ещё одна веская причина, заставлявшая её вступать в разговор с любым англоговорящим: она шлифовала язык, изучая его самостоятельно уже четвёртый год. Лена использовала любой повод для общения: необходимость выяснить что-нибудь или даже просто чей-то приветливый взгляд. Ответственность за коммуникации в чужой стране лежала на ней. Андрей знал несколько десятков английских слов и в разговор, как правило, вступать не решался, а когда уж очень хотелось высказаться, говорил жене: «Скажи им…»

Серенький тоже ждал свой багаж, поглядывая поверх го-

лов. Дальше пошёл обычный разговор.

– Вы отдыхать?

– Впервые здесь?

Познакомились.

– Лена.

– Ганс, – произнёс он с характерным выдохом, в котором явно слышалось «ха».

И имя ей тоже не понравилось. Припомнились имена из детской сказки: Ганс, Шульц…

– Вы немец?

– Голландец. Могу подбросить вас до города, я на машине.

– Андрей, он предлагает подвезти нас!

– Ну, давай…

– Ok, thank you, – говорит Лена.

Ганс уже давно крутит ручку своего чемодана, а розовые бантики всё не появляются.

– Вы можете не ждать нас, спасибо.

– Ничего, ничего…

Вот и бантики. Мужчины жмут друг другу руки, и все трое выходят через раздвинувшиеся стеклянные двери навстречу тугой волне филиппинского зноя. Машина, стоя на раскалённом асфальте Манильского аэропорта, три дня ждала своего хозяина, улетевшего в Куала-Лумпур оформлять покупку яхты. И вот они на трассе. За окнами мелькает незамысловатый пейзаж. Машина летит, едва касаясь колёсами асфальта. Ганс – классный водитель. Довольно часто воз-

никающие посты сбора налогов за пользование дорогой вызывают его явную досаду, заставляя сбрасывать скорость. Сначала идёт короткий обмен информацией, позволяющей немного подробнее узнать друг о друге. И вот ему уже известно, что они – супружеская пара из России, оба – инженеры-строители, имеющие взрослых детей и любящие путешествовать. Они в свою очередь узнают, что Ганс работает в международном банке развития. Дважды был женат. Теперь – нет. У него есть сын. Об этом он сказал, не скрывая гордости. Родившись в Голландии, Ганс успел пожить во многих местах земного шара, в том числе в Узбекистане, Австралии. И вот теперь живёт в столице Филиппин.

– Где вам больше всего понравилось?

– В Узбекистане.

И Андрей с Леной вдруг испытали гордость, как будто лично имели отношение к тому, что Узбекистан, уже давно не являющийся частью их страны, так хорош.

– Вы знаете русский?

– Я хорошо знал его. Теперь начинаю забывать, – сказал Ганс, переходя на их родной язык.

Услышав русскую речь, Андрей с радостью включается в разговор. Мужчины говорят о международной политике и о роли России в ней, потом плавно переходят к экономике. Ганс обнаруживает интеллект и удивительную компетентность, легко оперируя терминами и цифрами и вызывая у Лены всё большее уважение и симпатию. Постепенно пе-

ред ней вырастает образ современного, энергичного, умного человека, достойного сына своего времени, оттесняя Серенького на задний план.

Желая узнать о стране из первых уст, Лена спрашивает.

– А акулы здесь есть?

– Акулы? Что такое акулы?

– Shark, Shark, – вспоминает Лена.

– А! Нет, нет. Только рифовые. Они не опасны.

– А комары? Мы читали… Mosquito!

– Да. Есть такая болезнь, «денги фриве» называется. Её переносят комары. Очень опасная. Очень. Я болел. Но если один раз переболеешь, потом уже не страшно, – он щёлкает пальцами, пытаясь вспомнить слово.

– Иммунитет?

– Да. Да.

«Денги фриве», – записывает Лена в своём блокноте. И слова ложатся ровно, как будто они сейчас не в движущейся машине. Какие всё-таки дороги за рубежом!

– Ганс, куда вы посоветуете нам обязательно сходить в Маниле? – опять спрашивает Лена. Он отвечает не сразу.

– Форт «Интрамурос», – наконец говорит он и уверенно кивает головой. – Да, «Интрамурос»!

«Интрамурос» снова пишет Лена в блокноте. Было видно, что туристическая жизнь города не очень-то интересует Ганса. Большей частью его время, наверно, заполнено работой и одному ему известными хлопотами жителя столицы.

До Манилы ещё далеко, но уже появляются предвестники крупного мегаполиса. Ганс притормаживает у огромного супермаркета: «Извините, мне нужно зайти ненадолго. Останетесь в машине или хотите со мной?» Они остаются. Он спешит в супермаркет, с лёгкостью оставив свою машину с двумя практически незнакомыми ему людьми. Опять продолжается путь. Едут уже около двух часов.

Форт «Интрамурос».

– Манила так далеко от аэропорта?

– Да. Очень далеко. Куда вам нужно, какой отель?

– Высадите нас в городе, где вам удобно, а дальше мы доберёмся на такси.

– Хорошо, – соглашается Ганс, прикидывая в уме маршрут.

И вот они уже в Маниле. Пробок ещё нет, но, подчиняясь командам светофоров и петляя в лабиринтах улиц, машина заметно сбавляет скорость.

– Ой, смотри, джипни! – кричит Лена мужу, показывая через стекло на яркую разукрашенную машину допотопного вида. Такие остались ещё со времён войны и сейчас используются исключительно как транспорт для туристов. Вот оно, живое подтверждение интернетной информации!

– Здесь много таких?

– Да, – говорит Ганс серьёзно. – Они очень загрязняют воздух. Это большая проблема для города.

Ой, смотри, джипни!

Притормозив, Ганс по-мальчишески проворно выскочил из машины и остановил такси. «Шофёр знает английский», – сообщил он. Схватил два их чемодана и умело упаковал в багажник такси. «Не стоило… Я бы сам…» – проговорил Андрей, и Лена испытала неловкость за нерасторопность мужа.

– Сколько мы вам должны? – произнесла она по-английски выученную перед отъездом фразу.

– Да ничего, – ответил Ганс по-русски.

– Thank you, very mach. Good luck!

Мужчины обмениваются рукопожатием. Лена, улыбаясь, машет рукой. Они садятся в разные машины. «Настоящий

мужчина», – думает Лена про Ганса. Она удивилась бы, если бы кто-то сейчас напомнил ей, что именно это она имела в виду, когда однажды сказала мужу: «Андрюша, ты мне три раза жизнь спасал». А ведь было! Первый раз в Батуми, когда они, молодые и неосторожные, пошли купаться в четырёхбалльный шторм. Сильные высокие волны качали, вызывая восторг, но, когда Лене захотелось выйти на берег, она с ужасом поняла, что ей не справиться с могучей стихией. Дыхание стало сбиваться, накатывала паника.

– Андрей!

Муж, взяв её за руку своей рукой, другой мощно грёб, помогая всем своим упругим и сильным телом, ловя направление волны.

Второй раз это случилось в один из последних тёплых дней августа. Они решили искупаться в неподвижной воде пруда. Что-то странное стало происходить с Леной. Тело вдруг стало тяжёлым, как будто кто-то невидимый тянул её за живот ко дну. Она вдруг увидела тонкую полоску берега с обреза воды. И хотела, и не могла вдохнуть.

– Андрей! Помоги!

Он в два взмаха оказался рядом. Смотрел на неё, поддерживал под локоть.

– Ну, всё нормально. Ты же плывёшь!

На берегу Лена долго не могла восстановить дыхание. Оно было поверхностным и частым, как у собаки в жаркий день.

– Что это было? – позже спрашивала она.

– Спазм сосудов. Воздух тёплый, вода холодная.

Он всегда всё знал. Рядом с ним она чувствовала себя маленькой девочкой.

– Не боись, детка, – говорил он, и ей сразу становилось спокойно.

А в третий раз он просто сидел рядом, положив руку ей на спину. А другую она сжимала до посинения, пытаясь вдавить её в свой лоб, туда, где над глазом пульсировала невыносимая боль. Дело закончилось неотложкой, но, вернувшись домой из стационара после массы проведённых медицинских процедур, она была уверена – это он спас её в очередной раз.

Но сейчас ей хотелось восхищаться только этим удивительным иностранцем, так неожиданно возникшим в их далёком путешествии. Странно, что могло не устраивать в нём тех двух женщин, которые были когда-то его женами? А может, это его в них не устраивало что-то? Но почему, почему ей так невыразимо грустно? Кажется, что-то чудесное вот только что могло случиться с ней и не случилось.

– Какой хороший Ганс, да? – сказала Лена вечером в отеле, вспоминая утреннюю поездку.

– Эх, надо было с ним сфотографироваться! – запоздало спохватился Андрей.

– Надо было… – с тоской подумала Лена.

Колье из Шри-Ланка

«Что же привезти из Шри-Ланка, кроме чая, конечно?» – прикидывала Лена перед отъездом. Они с мужем уже взяли за правило возвращаться с чем-нибудь характерным для страны, в которой им посчастливилось побывать. Статуэтки, вазочки, шкатулки и прочая мелочь, назначение которой не сразу можно было и понять, прижились в их квартирке, напоминая о счастливых днях путешествий. Характерным для Шри-Ланка, как они поняли сразу по приезде, оказались драгоценные и полудрагоценные камни. Отдельные камешки и изделия из них продавались повсюду, от крупнейших супермаркетов и магазинов в шикарном отеле «Hilton» до крохотных лавочек, умудряющихся как-то выдерживать конкуренцию. Цены на изделия варьировались в очень широких пределах, и при таком обилии предложений, конечно же, можно было выбрать что-то, как говорят, с оптимальным соотношением цены и качества. Подсказка была дана. Это будут серьги или браслет. Нет, лучше колье! Но начинать своё пребывание в далёкой Азии с хождения по магазинам не хотелось. И было решено это приятное, но хлопотное занятие отложить на конец путешествия или, по крайней мере, решать задачу по ходу дела. А сначала – знакомство со страной: её историей, природой и бытом людей. И муж с женой с головой погрузились в водоворот жизни столицы

Шри-Ланка.

Коломбо оказался огромным и как-то бестолково устроенным мегаполисом без привычно выраженного центра. Не считая немногих дорогих отелей, глаз привлекали здания государственных и военных учреждений с примыкающими ухоженными двориками. Гуляя по улицам столицы, пропитанным азиатским духом, путешественники подмечали тонкости, в которых местные не видели ничего выдающегося: целлулоидные пупсы за стёклами магазинчиков, как будто пришедшие из их далёкого детства; красные атласные ленты в чёрных косах девочек. Спешащие ранним утром на работу столичные жители и те, что приезжали на пригородных поездах, свисая гроздьями со ступенек открытых дверей вагонов, были серьёзны и сосредоточены. Вызывали восхищение молодые женщины, упакованные в сари так, что самым выгодным образом подчёркивали свою женственность, притягивая взгляды обнажёнными лопатками и пухленькими талиями. Стайки школьников в белоснежных одеждах как будто кричали: «Осторожно! Дети», и даже шальные водители, частенько пренебрегавшие правилами движения, притормаживали, проезжая мимо них.

Днём улицы столицы наводняла совсем другая публика. То и дело встречались обнажённые по пояс мужчины в странных, почти женских юбках, заткнутых узлом на талии. Казалось, будто они только что вышли из душа. Чтобы «юбка» плотно держалась на теле, её владелец вынужден был вре-

мя от времени перевязывать узел, предварительно оттягивая ткань от живота. И всякий раз, наблюдая эту картину, Лена боялась увидеть, что под «юбкой» больше нет никакой одежды. Как потом оказалось, «юбки» называются саронгами и являются национальной одеждой. Саронги различного качества и расцветок продаются в отделах мужской одежды магазинов Коломбо, включая самые престижные.

Стайки школьников в белоснежных одеждах как будто кричали: «Осторожно! Дети»

Много всяких диковинок довелось увидеть за период пребывания в этой удивительной стране. В свою очередь муж с женой тоже были объектом внимания. Конечно, не только цвет их кожи был притягательным для местных, но в большей степени то, что они являлись потенциальными покупателями и потребителями всевозможных предлагаемых услуг. Местные так поднаторели в деле общения с туристами, что Лена с Андреем попались, как несмышлёныши, в первый же день. Соблазнившись словами «Exhibition stones» (выставка камней), представляя грандиозное мероприятие, демонстрирующее сразу весь арсенал подземного царства страны, они согласились проследовать за представителем выставки. Усаженные в тук-тук, маленькую смешную машинку на трёх колёсах, какие во множестве шныряют по улицам, предлагая свои услуги пешеходам, подозрительно долго ехали до выставки. Ею оказалась крохотная лавочка на задворках Коломбо. Несколько продавцов в пустом прохладном помещении торопились одновременно выложить весь наличный товар, стараясь угадать, что может заинтересовать покупателей. Дело дошло до того, что один наиболее настойчивый, усадив Андрея напротив, пытался вручить ему маленький розовый камешек в обмен на ручные часы. После этого муж с женой стали осторожнее, поджидая, когда случай сам найдёт их.

Встречи с дикими животными.

Незабываемое путешествие по острову.

Время шло. Позади уже были Коломбо, незабываемое путешествие по острову с посещением трёх древних столиц, созерцанием самого старого на планете дерева – священного фикуса, чудесные горные виды, встречи с дикими животными, не спеша пересекавшими дорогу, и многое другое. И вот наконец его величество Океан, готовый подарить праздник измученным жарой телам! Городок Тангале, рекомендованный турагентством, похоже, был не слишком избалован вниманием отдыхающих. Рыбаки, занимающиеся своим делом,

понурые собаки с больной кожей и могучие волны океана, грозящие смахнуть, как щепку, любого неосторожного купальщика, – таким предстал пляж. Лена так и не решилась подступиться к воде. Громадные тяжёлые волны методично обрушивались на берег в сопровождении мощных аккордов. В темноте слушать рёв прибоя было ещё страшнее. Стеклянная дверь их уютного номера, находящегося всего в тридцати метрах от воды, дрожала и звенела всю ночь, намекая, что ей не сдержать натиск, если что… Это «если что» мнилось Лене огромной волной разрушительного цунами наподобие той, что принесла на берег острова смерть и ужас в не столь уж и далёком 2003 году. Только накануне гостеприимный хозяин хижины, прилепившейся к скале в другом конце городка, показывал им на стене отметину, до которой поднялась вода в тот страшный день. Впечатлившаяся Лена задавала и задавала вопросы:

– Оповещал ли кто-нибудь о цунами?

– Не-ет.

– Как долго стояла вода?

– Недолго. Поднялась и сразу ушла.

– Люди погибли?

– Здесь – нет. В гору поднялись. Там много погибло, – указал он рукой на равнину, где муж с женой как раз и снимали номер.

Лене удалось уговорить мужа поменять место отдыха, и они оказались в Унаватуне, городке, почти ничем не отли-

чающемся от своих собратьев, ожерельем опоясывающих юг острова. Чем руководствовались статисты, причисляя пляж Унаватуны к десяти лучшим пляжам мира, осталось для Лены загадкой. Зелёные, разбавленные молоком волны океана, песчаный берег, минимум сервиса в виде растянувшихся вдоль пляжа ресторанчиков, служители которых ненавязчиво следили за тем, чтобы отдыхающие, пользующиеся лежаками напротив их заведений, обедали именно у них. Более ничего выдающегося. Пара выбрала ресторан с названием «Tuna». Еду на острове нельзя было назвать разнообразной. Андрей даже шутил: «Ну, что сегодня берём? Рис с рыбой или рыбу с рисом?» Но неповторимость блюдам придавал соус кари. В каждом заведении его готовили по собственному рецепту, отчего, несмотря на общее название, различия были существенными. В «Tuna» кари был с приятным мягким вкусом зеленоватого цвета. Сервировка стола вызывала у Лены удивление. В более серьёзных ресторанах она состояла из тарелки, вилки, ножа и ложки. Причём ложка предлагалась независимо от того, заказан суп или нет. В ресторанах попроще нож не подавали, но ложку – обязательно, всегда. Андрею понравилось прихлёбывать соус ложкой. «А что? Местные вообще руками едят», – говорил он. Лена не могла смотреть, как ланкийцы перед тем, как отправить в рот скатанный комочек, долго перемешивали в тарелке пальцами правой руки рис с кари. Отворачивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.